

БЕСЕДКА ДЛЯ ПАРИЖА

ОЛЬГА МАХТЕЙ

18+

Ольга Махтей

Беседка для Парижа

<https://litres.ru/73906033>

SelfPub; 2026

Аннотация

Аргентина, город Росарио. Место, где липкий зной речного порта смешивается с тенями прошлого.

Бегство от влиятельной семьи и билет в Мадрид в один конец — у Лукаса есть четкий план, как начать жизнь с чистого листа.

Работая барменом, он мечтает лишь об одном: забыть о своем происхождении. Но все меняется, когда каждое воскресенье в зале ресторана появляется загадочный старик. Он заказывает два бокала игристого и беседует с невидимой женщиной, застряв в далеком 1978 году.

Пытаясь разгадать тайну незнакомца, Лукас находит старый архитектурный набросок и решает узнать историю этого человека. Ему предстоит раскопать темные страницы времен военной диктатуры, понять, какую цену его близкие заплатили за благополучие, и сделать выбор: сбежать или принять наследие.

Это роман о памяти, о любви, способной пережить разлуку длиной в полвека, и о том, как трудно оставаться человеком, когда история твоей страны пропитана кровью.

Содержание

Глава 1. Белый снег, зеленый металл	4
Глава 2. Аквариум	9
Глава 3. Наследие	20
Глава 4. Пятно цвета бордо	28
Глава 5. Вспышка на ветру	35
Глава 6. Салфетка	42
Глава 7. Чертежи на песке	47
Глава 8. Танго цвета хакаранды	54
Глава 9. Дом-склеп	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Ольга Махтей

Беседка для Парижа

Глава 1. Белый снег, зеленый металл

Росарио, Аргентина, 25 июня 1978 года

Этот звук не родился здесь, в провинциальном Росарио. Он накатился с юга, из столицы, из далёкого Буэнос-Айреса, преодолев триста километров по раскалённым телефонным проводам, чтобы в одно мгновение взорваться в миллионах глоток. На стадионе «Монументаль» итальянский судья Серджио Гонелла наконец поднёс свисток к губам, и всё было кончено. Сто двадцать минут сражения, когда сердце целой страны останавливалось, умирало и запускалось вновь, остались позади. Это был не просто футбол — это была битва на смерть с «Заводным апельсином», со сборной Голландии, которая казалась непобедимой.

Но Марио Кемпес, длинноволосый Матадор, протаранивший оранжевую оборону, и Даниэль Бертони, нанёсший последний удар, сотворили невозможное.

Три — один.

Кубок оставался дома. Впервые в истории. Аргентина ста-

ла чемпионом мира.

— AR-GEN-TI-NA! — этот крик вырвался из груди нации и пронёсся над всей страной.

Тот зимний вечер в Росарио был особенно холодным. С реки Параны полз густой, липкий туман, знаменитая росаринская влажность — *la humedad*, — которая пробирает до костей злее любого мороза. Она кусала за уши, проникала под шерстяные пальто, заставляла окна «потеть» изнутри. В любой другой вечер нормальный человек сидел бы дома, прижавшись к печке и грея руки о калабас с горячим мате.

Но сегодня холод отменили. Его просто не существовало.

Двери домов распахивались одна за другой, выпуская наружу свет, тепло и людей. На улицы выплескивалась толпа — единый, многоголовый организм, обезумевший от счастья.

И тогда над городом пошёл снег — *Papelitos*. Это было их маленькое рукотворное чудо. Миллиарды обрывков бумаги полетели с кованых балконов и плоских крыш: разорванные в клочья телефонные справочники, вчерашние газеты «La Capital», школьные тетради и неоплаченные счета. Бумажные хлопья медленно кружились в ореолах дрожащих жёлтых фонарей, оседая на плечи прохожих, на капоты стареньких «Фиатов», на влажную брусчатку, укрывая нищету, страх и грязные лужи чистым белым саваном.

На углу улицы Кордоба, под мигающей неоновой вывеской Farmacia, люди обнимались так, словно пережили конец света. Какой-то старик в потёртом, висящем мешком пальто

рыдал навзрыд, уткнувшись в плечо незнакомому пареньку — совсем *pibe*, лет восемнадцати.

— Кемпес! Ты видел, что сделал Матадор?! — кричал старик, размазывая слёзы по щетине. — Как он прошёл! Как он их сделал! Че, спасибо Господу, что я дожил!

Паренёк смеялся, запрокинув голову к чёрному небу, и ловил ртом бумажные снежинки. У него на шее вместо шарфа был повязан бело-голубой флаг. Ему было плевать, что инфляция сжирает зарплату отца ещё до обеда, а в университете полно стукачей. Сегодня он был гражданином великой страны. *Campeones del mundo*. Хозяева мира.

В городе стояла пороховая гарь от дешёвых петард, смешанная с потом и дымом уличных грилей — *parrillas*. Чорипаны — жирные, сочные колбаски в булке — шкворчали на решётках прямо на тротуарах. Горячий жир капал на угли, смешиваясь с острым запахом чесночного чимичурри, и этот аромат казался ладаном в храме новой религии.

Никто не смотрел в тёмный переулок Сан-Луис.

Там, в глубокой тени разросшихся платанов, куда не добивал свет уличного праздника, двигалась совсем другая сила.

Сквозь туман бесшумно скользил автомобиль.

Это был «Ford Falcon». Но не тот семейный седан, на котором отцы возят детей в школу. Этот был выкрашен в тусклый, мёртвый тёмно-зелёный цвет. Цвет стоячей воды. Цвет военной формы. У него не было номеров.

В городе все знали, что это значит, но боялись произне-

сти вслух даже на кухне. *La patota*. Группа захвата. Призраки режима.

Шины мягко шуршали по мокрой брусчатке, давили белые бумажные хлопья. Машина двигалась медленно, хищно высматривая добычу.

Донья Марта, возвращавшаяся от сестры, первой заметила этот силуэт. Ее радостная улыбка — она только что обсуждала с соседкой, какой *golazo* забил Бертони на последних минутах — сползла с лица. Ледяной узел мгновенно скрутил желудок.

«Не смотри, дурочка, — приказала она себе, чувствуя, как сердце забилося где-то в горле, мешая дышать. — Ради Девы Марии, Марта, не смотри».

Она ссутулилась, втянула голову в плечи, пытаясь стать меньше, исчезнуть, слиться с кирпичной стеной. Она резко отвернулась к витрине закрытого магазина тканей, делая вид, что разглядывает цены на ситец в полумраке.

Зелёный «Сокол» проплыл мимо неё. Из салона не доносилось ни звука — ни музыки, ни радостных комментариев радиоведущего Хосе Марии Муньоса. Только низкое, угрожающее урчание мотора на холостых оборотах.

Машина резко затормозила у подъезда дома номер 280.

Из темноты подъезда вышел молодой парень. Он был в домашнем растянутом свитере и домашних тапках на босу ногу — видимо, выскочил на секунду купить сигарет в киоске или просто глотнуть этого воздуха победы. Он ещё улы-

бался, эхо всеобщего ликования всё ещё играло на его губах, когда двери «Форда» распахнулись. Двое мужчин в кожаных куртках синхронно выскочили из машины. Они не произнесли ни слова. Удар под дых согнул парня пополам, мешок накрыл голову, заглушая хрип. Всё заняло три секунды — ровно столько, сколько нужно, чтобы сделать вдох.

Тело втокнули на заднее сиденье, как куль с картошкой. Дверь захлопнулась с сухим, металлическим щелчком — клац. В узком пространстве между домами этот звук заставил донью Марту зажмуриться. В отражении витрины она видела, как зелёный автомобиль сорвался с места, не включая фар, и растворился в тумане, увозя человека в никуда. В *chupadero* — подпольный центр содержания под стражей — место, откуда не возвращаются.

На тротуаре остался лежать только одинокий клетчатый тапок.

А потом город снова вдохнул.

— VAMOS ARGENTINA! — взревела толпа на соседней улице, не зная, что одного из голосов в этом хоре больше нет.

Ветер с реки подхватил горсть бумажных конфетти и швырнул их на мокрый асфальт, погребая тапок под слоем белой рваной бумаги.

Пошёл снег. Аргентина праздновала. Аргентина умирала.

Глава 2. Аквариум

Росарио, январь 2025 года

В летнюю жару небо над Росарио выцветает, становясь бесцветным, низким и тяжелым. Воздух в такие дни пропитывается запахом гниющего речного ила с Параны и раскаленным, плавящимся асфальтом. Это не просто высокая температура, это *la humedad* — влажность, от которой одежда мгновенно прилипает к телу, волосы начинают виться, а мысли становятся тягучими и неповоротливыми.

К шести вечера воздух в ресторане «Гильермо» загустел настолько, что, казалось, его можно резать ножом. Сквозь витринное окно мир выглядел искаженным, дрожащим в тепловом мареве и бесконечно далеким от реальности. Лукас стоял за барной стойкой и механически протирал бокал — в сотый, наверное, раз за этот бесконечный час. Хлопковое полотенце тихо, монотонно скрипело о стекло. Он наблюдал, как в косых лучах солнца танцуют пылинки — вечные обитатели этого места, единственные существа, совершенно равнодушные к жаре и духоте.

Ему было двадцать шесть, и он ненавидел это время суток. «Час мертвой собаки», как называли его местные. Обеденный *quilombo* — суэта и гвалт — уже схлынул, оставив после себя густой запах жареного чеснока, пролитого мальбека и пятна сальсы на скатертях. Это был странный, неопределен-

ный час — время ужина еще не наступило, а время обеда давно прошло. Город уже начал просыпаться после сиесты, но ресторан все еще был пуст. Лишь за дальним столиком сидела одинокая пожилая пара, молча допивая остывший чай.

В зале царила тишина, нарушаемая лишь мерным, убаюкивающим гудением потолочного вентилятора. Его лопасти лениво месили теплый воздух, не принося прохлады, а лишь гоняя по кругу запахи старого, рассохшегося дерева и кофейной гущи.

Внезапно дверь ресторана распахнулась, с шумом впуская внутрь волну раскаленного уличного пекла и Габо.

— Che, Лукас! Ты еще жив в этом склепе? Или уже стал частью мебели?

Габриэль, его бывший однокурсник, ворвался в сонное царство «Гильермо», как порыв ветра. Он принес с собой аромат дорогого парфюма, цитрусов и легких денег, которые в Аргентине водятся только у тех, кто умеет вертеться.

Его льняная рубашка, небрежно расстегнутая на две пуговицы, стоила больше, чем Лукас зарабатывал за месяц. Солнечные очки «Ray-Ban» сдвинуты на лоб, в зубах — зубочистка, а на лице играла та наглая, сияющая улыбка человека, у которого все схвачено.

Габо плюхнулся на высокий стул у стойки, закинув ногу на ногу, и постучал ладонью по дереву.

— Эспрессо со льдом, брат. И плесни туда жизни, а то я плавлюсь, как мороженое на асфальте.

Он барабанил пальцами по стойке, выбивая ритм какой-то кумбии, пока Лукас возился с кофемашиной.

— Слушай, в пятницу у меня на террасе *asado*. Будет мясо — я взял отличные *mollejas* у того мясника на Пеллегрини, — вино рекой, нормальные люди. Девчонки с журфака. Приходи. Хватит киснуть, приятель. Ты скоро мхом покроешься здесь.

Лукас молча запустил кофемашину. Пар с шипением вырвался наружу, окутав руки белым облаком. Он смотрел на друга с завистью, смешанной с глухим раздражением. Габо писал статьи про урбанистику и новые стартапы, получал гонорары в долларах и жил в «нормальном» мире, где будущее не казалось тупиком. Лукас же чувствовал себя насекомым, застрявшим в смоле.

— Я не могу, — Лукас поставил перед другом запотевший стакан. — Я работаю. И коплю на Мадрид.

— Копишь? — Габо поперхнулся смешком, чуть не расплескав свой эспрессо. — Брось, Лукас. Ты же Кастильо. Твой старик может купить тебе этот Мадрид вместе с аэропортом. Зачем ты ломаешь комедию с подносами?

— Если он платит — он решает, — с раздражением буркнул Лукас, протирая и без того сухую поверхность стойки. — Я это уже проходил.

— Опять ты за своё, — Габо закатил глаза и картинно вздохнул. — Ты бросил юрфак за год до диплома, устроил скандал, теперь работаешь официантом. Это просто поза,

Лукас. Ты ведешь себя, как подросток — назло отцу.

— Это не поза. На юрфаке я был просто «сыном Рикардо». Будущим партнером фирмы, хочу я того или нет. Меня там даже по имени не называли, только по фамилии. — Лукас с громким стуком выбил кофейную гущу в мусорный бак. — Я ушел в журналистику, чтобы делать что-то своё. И в Мадрид я поеду на свои. Чтобы не пришлось потом слушать, как много он в меня вложил.

— Ты сбегаешь, Лукас, — Габо покачал головой. — Просто сбегаешь. Думаешь, в Европе воздух другой? Там тоже надо пахать. Только там ты будешь никем, а здесь ты... ну, ты Кастильо.

— Вот именно, — процедил Лукас сквозь зубы. — Здесь я только Кастильо.

В такую жару сиеста в Росарио не заканчивается по часам, она тянется до самых сумерек, но ровно в шесть, нарушая этот покой, звякнул колокольчик — робко, тихо, словно извиняясь за беспокойство.

Лукас напрягся всем телом, чувствуя, как внутри сжимается пружина. Он знал этот звук. Он знал, кто это.

— Опять он, — прошипел Лукас себе под нос. — *La puta madre*, только не сегодня.

В ресторан вошел старик.

Для «Гильермо» в этом не было ничего необычного. Это место давно стало своеобразным заповедником стариков. По утрам здесь, как черепахи на солнце, дремали доньи с пер-

манентной укладкой, обсуждая невесток и цены на лекарства. Вечерами мужчины, похожие на высушенных кузнечиков, хрипло спорили о футболе, вспоминая матчи полувековой давности так ярко, будто свисток судьи прозвучал вчера.

Но этот старик, Матео, был другим.

Он вошел, тяжело опираясь на палку с потертой рукоятью. На нем было плотное шерстяное пальто песочного цвета — добротное, но безнадежно устаревшее, из тех времен, когда одежду шили на века. И, главное, оно было совершенно неуместным, безумным в эту тридцатиградусную влажную жару. Любой другой уже упал бы от теплового удара. Но Матео, казалось, не чувствовал температуры. Или же тот холод, который заставлял его кутаться в шерсть, шел у него изнутри, из самой души, которую не могло согреть аргентинское солнце.

В зале повисла тяжелая, неудобная тишина. Завсегдатаи знали ритуал. Донья Сесилия у окна перестала помешивать ложечкой остывший чай и нервно поправила шаль. Сеньор Гонсало, застывший с газетой, опустил глаза. Они не смотрели на него прямо — отводили взгляды, прятали глаза в чашках, делая вид, что заняты едой.

Лукас видел это: смесь жалости, брезгливости и суеверного страха. Никто не хочет смотреть на чужое безумие слишком долго, боясь, что оно заразно.

— Это жутко, — прошептал Лукас, не в силах оторвать взгляд от шаркающей фигуры. — Это просто ненормально.

Он ходячий мертвец, Габо. Он пахнет нафталином и смертью.

— Будь вежлив, Лукас. Сегодня воскресенье.

Голос прозвучал низко и веско. Сеньор Альварес, владелец «Гильермо», оторвался от грессбуха. Он сидел в своем углу, похожий на старого, мудрого моржа, повидавшего много штормов. Он поправил очки и строго посмотрел на Лукаса поверх стекол.

— Я всегда вежлив, — огрызнулся парень, с раздражением затягивая узел фартука. — Просто это... жутко. Это ненормально, сеньор.

Он схватил блокнот и вышел из-за стойки, чувствуя спинной насмешливый и одновременно испуганный взгляд Габо.

Матео уже добрался до своего места. Столик номер четыре. Единственный у окна, откуда открывался вид на улицу и кусок бледного неба.

— Добрый вечер, сеньор, — Лукас подошел к столику, доставая блокнот, хотя в этом не было никакой нужды — сценарий этой пьесы был написан задолго до его рождения, и реплики не менялись десятилетиями.

Старик медленно поднял глаза. Они были выцветшими, водянистыми, цвета застиранной джинсовой ткани. В них не было того безумия, которого Лукас подспудно ожидал и боялся. В них была странная, пугающая ясность.

— Сегодня воскресенье... — тихо произнес Матео, голос у него был сухой и ломкий.

— Да, сеньор. Воскресенье.

— Она любит игристое, *Espumante*. И шоколад. Тот, с орехами.

Лукас кивнул, стараясь не смотреть на пустой стул напротив старика, на идеально накрахмаленную салфетку, которую никто не испачкает, на приборы, которые останутся чистыми.

— Сию минуту, синьор.

Отойдя к бару, Лукас почувствовал, как по спине, прямо между лопаток, пробежал холодок, несмотря на липкую духоту.

— *Loco*, — прошептал Габо, когда Лукас вернулся к стойке. В его голосе исчезла бравада. — Полный псих. Он заказывает для невидимки?

— Он говорит о ней так, будто она сейчас выйдет из туалета, поправляя прическу, — бросил Лукас, с остервенением дергая дверцу холодильника.

— Не твое дело, мальчик.

Сеньор Альварес возник рядом неслышно, как большая тень. Он положил тяжелую руку на плечо Лукаса, прерывая поток жалоб.

— Просто налей. И положи лучшие конфеты. Я вычту из его счета как «скидку постоянного клиента».

— Почему вы с ним возитесь? — Лукас с хлопком открыл бутылку дешевого игристого, и легкий дымок вырвался из горлышка. — У него денег кот наплакал, пальто изъедено

молью. Какой с него прок?

Альварес посмотрел на старика долгим взглядом, в котором сквозила печаль.

— Потому что он платит валютой, которой у тебя нет, Лукас. Верностью. Неси.

Лукас фыркнул, но спорить не стал, просто вернулся к столику.

И тут началось представление.

Старик, кряхтя, поднялся. Вдруг, словно сбросив лет двадцать, он выпрямил спину. Движения стали плавными, грациозными. Он обошел стол и галантно отодвинул пустой стул, склонив голову в почтительном поклоне.

— Прошу тебя, любимая, — прошептал он.

Лукас застыл с подносом. Габо за стойкой перестал пить кофе и открыл рот, забыв закрыть его. Даже его броня цинизма дала трещину перед лицом этой абсолютной, невозможной веры.

Матео улыбался пустому стулу. Улыбался пустоте так нежно, так интимно, как Лукас никогда не улыбался ни одной из своих многочисленных подружек. В этой улыбке была тайна, доступная только двоим.

Матео вернулся на свое место. Он начал говорить. Он жестикулировал, его узловатые руки порхали над скатертью, он смеялся беззвучным смехом, кивая невидимой собеседнице.

— Ваш заказ, — голос Лукаса прозвучал слишком громко, грубо разрывая эту хрупкую паутину.

Он разлил *Espumante*. Два бокала. Золотистые пузырьки устремились вверх, к поверхности, чтобы там лопнуть и исчезнуть.

— Спасибо, сынок, — Матео даже не взглянул на него. Его взгляд был намертво прикован к пустому месту напротив. — Елена говорит, у тебя грустные глаза. Тебе стоит влюбиться.

Лукас вздрогнул, словно получил пощечину. Он хотел огрызнуться, крикнуть, что никакой Элены здесь нет, что это шизофрения, что старику место в лечебнице, а не в ресторане, но слова застряли в горле колючим комом. Он поставил вазочку с конфетами и быстро вернулся за стойку, в свое безопасное убежище, к Габо, к кофемашине, к реальности.

Старик поднял бокал, чокнулся с воздухом и пригубил вино.

Второй бокал стоял нетронутым, играя бликами солнца.

Лукас достал телефон. Экран вспыхнул холодным голубым светом, слишком ярким в этом янтарном полумраке. Приложение с авиабилетами. «Мадрид. В один конец». Ему нужно было убраться из этой страны, из этого города, где люди живут прошлым, где призраки сидят за столами и пьют вино, а живые обслуживают мертвых.

Солнце уже коснулось крыш, заливая ресторан багряным светом, в котором пыль казалась золотой пылью, а лица посетителей — масками.

Матео за столиком номер четыре вдруг сгорбился. Спек-

такль окончился. Солнце садилось, и магия развеялась. Он снова стал просто стариком в нелепом пальто. Он сделал движение рукой, будто поправляя шаль на чьих-то плечах — бережно, невесомо, — и тяжело поднялся. Оставив на столе несколько смятых купюр, он надел шляпу и побрел к выходу. Дверной колокольчик звякнул, выпуская его в душные сумерки улицы.

— До следующего воскресенья, — прошептал сеньор Альварес, протирая очки краем фартука.

Лукас посмотрел на стол. В бокале напротив пустого стула умирала последние пузырьки игристого.

Его вдруг накрыло глухое, липкое раздражение. Не на старика — на самого себя. Почему эта дурацкая фраза про «грустные глаза» так его задела? Какое право имеет этот выживший из ума старик лезть к нему в душу со своими фантазиями? Лукас снова разблокировал телефон. Мадрид. Билет в один конец. Новая жизнь, где нет ни пыльного Росарио, ни сумасшедших стариков, ни памяти.

Он занес палец над кнопкой «Бронировать», но почему-то заколебался. В тишине ресторана ему почудилось, что кто-то смотрит ему в спину. Он резко обернулся — никого. Только пустой стул у окна.

— Che, брат... это уже перебор, — приглушенно, без привычной бравады прозвучал голос Габо.

Он крутил в руках пустую чашку из-под эспresso, косясь на спину старика за окном. Габриэль, который еще пять ми-

нут назад был королем жизни, теперь выглядел растерянным.

— Я, пожалуй, пойду. Здесь становится душно.

Он полез в карман льняных брюк, достал купюру и бросил её на стойку.

— Не забудь про пятницу, Лукас. Мясо, вино, девчонки с журфака. Тебе нужно проветрить голову, серьезно. Если будешь сидеть здесь и смотреть на этих призраков, ты закончишь как он.

Габо хлопнул Лукаса по плечу и быстро направился к выходу.

Лукас подошел к столику, рывком схватил поднос и поспешил к мойке. Он выплеснул вино в раковину, стараясь побыстрее смыть следы чужого безумия. Вода унесла вино, но неприятное чувство тревоги осталось. Казалось, старик забыл за столиком что-то тяжелое, настоящее, от чего так просто не отмахнуться.

Глава 3. Наследие

Росарио, январь 2025 года

Родительский дом в районе Фишертон встретил его тишиной. Это была не сонная тишина библиотеки, а плотная, герметичная тишина дорогого отеля, где звуки гасят толстые ковры и массивные двери. Здесь, за высокой кирпичной оградой и живой изгородью из лавра, Росарио переставал быть собой: исчезала липкая речная жара, стихал треск мопедов. Внутри к прохладе кондиционера добавлялись запахи полироли для красного дерева и запечённого мяса.

Воскресный обед был ритуалом, который запрещалось пропускать.

Клаудия, мать Лукаса, сидела с прямой спиной. Тёмные волосы собраны в низкий узел, платье цвета морской волны, легкий макияж. Напротив неё расположился Хавьер. В свои тридцать два старший брат был улучшенной, современной версией отца: поло от «Ralph Lauren», ключи от новой «Audi» на комод, уверенные движения рук. Он резал стейк аккуратно, без лишних усилий, и поглядывал на брата с лёгкой, ленивой усмешкой.

— Слышал, у вас в «Гильермо» опять проблемы с вывеской? — спросил Хавьер, не поднимая глаз от тарелки. — Я проезжал мимо. Краска облезла так, что букв не разобрать. Как ты там работаешь, Лукас? Это же не ресторан, а склеп.

— Мне нравится, — ответил Лукас, гоняя по тарелке помидор черри. — Там... спокойно.

— Спокойно? — Хавьер хмыкнул, отправляя в рот кусок мяса. — Там пахнет неудачниками и дешевым вином, брат. Тебе двадцать шесть. Я в твоём возрасте уже закрыл свое первое дело в арбитраже. А ты носишь кофе старикам, которые забывают оставить чаевые.

Рикардо Кастильо, сидевший во главе стола, отложил приёмы.

— Достаточно, Хавьер, — сказал он ровным голосом. Это было не заступничество, а просто управление беседой, как на рабочем совещании. — Лукас ищет свой путь. Правда, поиски затянулись.

Отец посмотрел на младшего сына. Его взгляд был тяжёлым, оценивающим, словно он проверял отчёт, в котором не сходится баланс.

— Я говорил на днях с сеньором Мартинесом из «La Capital». У них освободилось место в отделе городской хроники. Это не передовицы, конечно, но для начала достойно. Я позвоню ему завтра.

— Не надо звонить Мартинесу, — Лукас сжал вилку. — Я не хочу работать по звонку. Я хочу сам.

— «Сам», — эхом повторил Хавьер и коротко рассмеялся. — Ты уже пробовал «сам», Лукас. И где ты? За барной стойкой вытираешь пятна. Прими помощь, не будь идиотом. Фамилия Кастильо — это ключ. Зачем ломиться в открытую

дверь?

— Хавьер, пожалуйста, — тихо произнесла Клаудия. — Мальчик имеет право на выбор. У него хороший слог, я читала его эссе. В нём есть... чувствительность.

Рикардо медленно повернул голову к жене.

— Чувствительность хороша для поэтов, Клаудия. А в жизни нужна твёрдость. Твой «чувствительный» сын скоро забудет, как держать ручку, таская ящики с вином. Посмотри на Хавьера. Он понимает, как устроен мир.

Хавьер самодовольно улыбнулся и подмигнул матери.

Лукас положил приборы. Аппетит пропал, хотя стейк был приготовлен идеально — Мария, их домработница, готовила лучше любого дорогого ресторана. Лукас любил этот дом. Он любил запах старого дерева, любил солнечные пятна на паркете, где играл в детстве. Но сейчас эта столовая давила на него.

Терпеть очередную лекцию о «правильном пути» сил не было.

— Спасибо, было очень вкусно, — Лукас отодвинул стул, ножки глухо проскрежетала по паркету. — Но мне пора.

Он встал, оправил рубашку. Ему не хотелось уходить из прохлады в пекло улицы, но сидеть здесь было невыносимо.

— Пора? — Рикардо даже не повернул головы, продолжая аккуратно отрезать кусочек мяса. — Мы ещё не закончили обед, Лукас. Десерт не подавали.

— Я не хочу десерт, папа. И я не хочу снова слушать срав-

нения с Хавьером, — Лукас старался говорить спокойно, но голос всё же дрогнул. — У меня смена через час. Сеньор Альварес просил помочь с инвентаризацией.

— Инвентаризация, — фыркнул Хавьер, лениво покачивая бокал с вином. — Слышал, папа? Наш мальчик теперь считает бутылки дешёвого виски. Очень ответственная миссия. Нельзя заставлять бутылки ждать.

— Хавьер, — предостерегающе произнесла Клаудия.

Лукас сжал кулаки. Ему хотелось ответить, хотелось защитить свой выбор, но он знал: это бесполезно. В этом доме аргументы имели вес только если они были подкреплены банковским счетом.

— Всем спасибо. Я пойду.

Он сделал шаг к двери.

— Сядь.

Голос отца прозвучал негромко, но так властно, что Лукас замер. Это был тон, которым Рикардо Кастильо отдавал распоряжения в фирме. Тон, не допускающий возражений.

— Папа, я правда опаздываю...

— Сядь, я сказал.

Рикардо вытер губы салфеткой, бросил её на стол и повернулся к сыну.

— Твой Альварес подождет пять минут. Ты приходишь в этот дом, ешь мою еду, пользуешься комфортом, но не можешь уделить мне десять минут времени? Ты ведёшь себя не как мужчина, а как ребёнок, убегающий от разговора.

Лукас застыл. Он ненавидел, когда отец был прав. Он действительно сбегал.

Он вздохнул, чувствуя, как его маленький бунт разбивается о спокойную уверенность отца, и медленно вернулся на место.

— Хорошо, — глухо сказал он, садясь на край стула. — Пять минут. Но не надо больше лекций про карьеру.

— Это не лекция.

Рикардо встал и подошел к стене, обшитой деревянными панелями. За одной из них скрывался сейф. Он набрал комбинацию, послышался сухой механический щелчок, и тяжёлая дверца открылась. Отец вернулся к столу, держа в руках небольшую коробочку, обтянутую тёмно-синим бархатом.

В комнате стало тихо. Хавьер перестал ухмыляться и с интересом подался вперёд.

— Встань, Лукас.

Лукас снова поднялся, чувствуя себя глупо: сел-встал, как марионетка.

— Твоему деду исполнилось бы восемьдесят на этой неделе, — голос Рикардо стал торжественным. — Он оставил это для тебя. Сказал передать, когда ты будешь готов. Я не уверен, что ты готов, но... Хавьеру достались запонки и кортик. А это — твоё.

Отец открыл бархатную коробочку.

Внутри, на белой шёлковой подушечке, лежал «Rolex Submariner» семидесятих годов — тяжёлый стальной кор-

пус, чёрный циферблат, массивный браслет. Лукас помнил их. Перед глазами вспыхнула картинка из детства: дедушка Уго, огромный, пахнувший трубочным табаком и сандалом. Он сажает маленького Лукаса к себе на колени. «Время — это порядок, Лукас. Тик-так. Всему своё время». Те тёплые, большие руки, которые казались самыми безопасными на свете.

— Дай руку. Левую, — неожиданно мягко сказал Рикардо.

Лукас протянул руку.

Рикардо бережно достал часы и застегнул их на запястье сына. Щёлкнула застёжка.

— Носи их, — сказал отец, глядя Лукасу прямо в глаза. — Это часы твоего деда, он носил их в самые трудные времена. Он не снимал их даже на службе. Пусть они напоминают тебе о дисциплине. И о том, кто ты есть.

Хавьер присвистнул.

— Ого. Раритет. Не потеряй их в своём кабаке, братишка. Такие вещи требуют... соответствия.

— Лукас, посмотри, как красиво, — мягко сказала мать с улыбкой. — Это настоящая реликвия.

Лукас опустил взгляд на свою руку.

Часы были тяжёлыми. Но это была приятная, правильная тяжесть. Словно на запястье легла надёжная мужская ладонь, которая поддерживает и направляет. Стальной браслет плотно обхватил запястье, его прохладные звенья быстро согрелись.

лись от тепла руки, и Лукас почувствовал странное, забытое чувство уверенности. Ему вдруг показалось, что он стал весомее, значительнее. С этими часами он больше не был просто официантом-неудачником. Он был внуком Уго Кастильо. У него был тыл.

— Gracias, папа, — пробормотал Лукас. Ему вдруг стало трудно глотать. — Я буду беречь их.

Он провёл пальцем по холодному стеклу циферблата. В этом предмете была сила. Уверенность, которой ему так не хватало в его одинокой, неустроенной жизни. Может быть, отец прав? Может, и правда, стоит перестать воевать с ветряными мельницами и принять помощь?

— Не подведи его память, — Рикардо положил руку сыну на плечо. — А теперь иди. И подумай над моими словами про газету. Гордость хороша, когда у тебя есть фундамент. А у тебя его пока нет.

— И побрейся, — бросил вдогонку Хавьер, снова принимаясь за стейк. — Выглядишь как хиппи.

Лукас вышел из дома в оглушающее пекло улицы. Жара мгновенно облепила его, воздух снова стал густым и влажным, но теперь это не раздражало.

Он шёл по раскалённому тротуару к автобусной остановке, и всё его внимание было приковано к левой руке. Он то и дело поднимал запястье, ловя солнечные блики на стали. Ему нравилось, как часы сидят на руке, нравилось чувствовать их вес. Это была связь. Нить, протянутая через поко-

ления. Дед Уго был героем, офицером, человеком, которого уважали. И теперь частица этого уважения перешла к Лукасу.

Он дошёл до угла, где тень от старого платана давала хоть какое-то укрытие, и остановился. Поправил тяжёлый браслет, ощущая подушечками пальцев гладкую сталь. Ему казалось, что вместе с часами к нему вернулась часть той детской защищённости, когда дед держал его за руку.

— Gracias, дедушка, — прошептал он, глядя на тёмный, строгий циферблат, который уверенно отсчитывал секунды.

Глава 4. Пятно цвета бордо

Росарио, февраль 1974 года

В те годы «Гильермо» не был тихой гаванью для пенсионеров. Он гудел, как растревоженный улей, в который сунули палку. Воздух в ресторане был сизым от дыма крепких сигарет «Particulares», пропитанный запахом жареного чеснока, дешёвого одеколona «Pino Silvestre» и горячих споров. Официанты с напомаженными волосами носились между столиками, виртуозно балансируя подносами, а звон бокалов перекрывал хриплый голос из радиоприёмника, вещавший тревожные сводки, которые никто не слушал.

Матео сидел за маленьким шатким столиком у стены, стараясь занимать как можно меньше места. Ему было двадцать четыре, и он чувствовал себя самозванцем на этом празднике жизни. Его пальцы, как всегда, были слегка перепачканы графитом, а голова забита чертежами зданий, которые, возможно, никогда не построят. Он только что получил диплом архитектора, но чувствовал себя школьником рядом со своими друзьями.

— Это предательство идеалов! — орал Чеко, стуча кулаком по столу так, что подпрыгивала пепельница. — Мы ждали перемен, а получили старую диктатуру в новой обёртке! Перон нас предал!

Чеко был сгустком нервной энергии, готовым сжечь мир

ради справедливости. Рядом с ним вальяжно сидел Роберто — полная противоположность: аккуратный, спокойный, с обволакивающей улыбкой.

— Успокойся, revolucionario, — лениво протянул он, подливая себе вина. — Политика — это грязь. А мы — творцы. Наше дело — строить красиво, даже если заказчик — дьявол.

— Ты продажный, Роберто, — беззлобно огрызнулся Чеко. — У тебя вместо позвоночника — флюгер.

— Зато я выживу при любом ветре, — подмигнул Роберто и поднял бокал. — За гибкость! Матео, ты почему не пьёшь?

Матео молчал. Ему не хотелось спорить о политике, и тосты его не волновали. Ему хотелось смотреть на неё.

Она сидела через проход, в центре большой шумной компании. В этом прокуренном полумраке, где всё казалось серым и коричневым, она казалась источником света. На ней было простое белое платье, которое сияло в клубах табачного дыма. Тёмные кудри падали на плечи, а когда она смеялась, казалось, что в душном зале открывали окно, впуская свежий ветер с реки.

Рядом с ней сидела женщина постарше — красивая, но с лицом строгим и напряжённым, словно она ждала воздушной тревоги. Судя по сходству, это была её сестра. Она смотрела на веселящуюся младшую сестру с тревожной любовью, как мать смотрит на ребёнка, играющего у края обрыва.

— Ты прожжёшь в ней дыру, Матео, — хмыкнул Чеко,

заметив этот взгляд и на секунду забыв о предательстве перонизма. — Хватит пялиться, как голодный на витрину кондитерской. Подойди уже.

— И что я скажу? — буркнул Матео. Он нервно крутил в руке ножку бокала с дешёвым столовым вином. — «Привет, я знаю всё о бетонных перекрытиях»? Или «Простите, я забыл, как дышать, когда вы вошли»?

Роберто рассмеялся, похлопав Матео по плечу:

— Скажи, что у неё самая красивая улыбка в Росарио. Это банально, но женщины любят ушами, друг мой. Иди. Или я сам пойду.

В этот момент девушка поднялась. Она что-то шепнула строгой сестре, поправила платье и направилась в сторону дамской комнаты, проходя как раз мимо столика Матео.

Это был его шанс. Или его проклятие.

В проходе было тесно. Кто-то из посетителей, разгорячённый спором о футболе, резко отодвинул стул, перегораживая путь. Официант с полным подносом пошатнулся, пытаясь избежать столкновения, и его локоть врезался прямо в плечо Матео, который как раз поднимал свой бокал.

Рука Матео дрогнула.

Всё произошло как в замедленной съёмке. Тёмно-бордовая волна выплеснулась из широкого бокала. Матео с ужасом, парализованный собственной неуклюжестью, смотрел, как красная жидкость летит по воздуху только ради того, чтобы испортить этот момент. Физика была беспощадна: ви-

но приземлилось прямо на белый подол платья девушки.

Мир остановился.

Матео показалось, что музыка смолкла, что исчезли все звуки. Чеко перестал жевать. Роберто застыл с открытым ртом. Сестра девушки за соседним столиком привстала, её глаза расширились от ужаса.

На белой ткани, чуть ниже бедра, расплывалось огромное, уродливое пятно, похожее на кровотокающую рану.

Матео вскочил, с грохотом опрокинув стул.

— Боже мой... Сеньорита... Я... Простите! Я такой идиот!

Он схватил со стола первую попавшуюся бумажную салфетку, пытаясь что-то сделать, потянулся к её платью, но тут же отдернул руку, понимая, что только размажет пятно и будет выглядеть ещё глупее. Он был готов провалиться сквозь пол, прямо в сырой подвал к крысам. Он испортил ей платье. Он испортил вечер. Он уничтожил любой шанс на знакомство ещё до того, как произнёс своё имя.

Девушка смотрела на пятно. Потом перевела взгляд на бледного, дрожащего Матео, который выглядел так, будто ждал расстрела. Её брови поползли вверх.

Секунда тянулась вечность. Матео ждал крика, скандала, звонкой пощёчины. Ждал, что подбежит та строгая сестра и испепелит его взглядом.

Вместо этого девушка... расхохоталась. Это был звонкий, искренний смех, полный жизни. Она смеялась, глядя на ис-

порченное платье, словно это была лучшая шутка вечера.

— Потрясающе! — воскликнула она, когда смогла говорить. — Вы только посмотрите на форму!

— Что?.. — пролепетал Матео, не веря своим ушам.

— Это же не пятно, — она подмигнула ему, и у Матео перехватило дыхание. — Посмотрите внимательнее, сеньор. Это карта Южной Америки. Вот тут Бразилия. А вот тут, где стекает капля, — Огненная Земля.

Она подняла на него глаза, полные весёлых искорок. Тёмные, глубокие глаза, в которых не было ни капли злости, только озорство и какой-то невероятный свет.

— Вы художник, сеньор? Потому что нарисовать карту Аргентины одним взмахом бокала — это талант.

Матео моргнул. Страх начал отступать, сменяясь восхищением.

— Я... я архитектор. Почти.

— Arquitecto! — она всплеснула руками, словно это объясняло всё на свете. — Ну конечно! Только архитектор мог так точно рассчитать траекторию. Я Элена.

— Матео, — выдохнул он.

Она протянула ему руку, не обращая внимания на мокрое платье, которое липло к ногам, и на подбежавшую сестру, которая уже начала причитать и доставать платок.

— Элена, боже мой, оно же не отстирается! — шипела она, бросая на Матео убийственные взгляды. — Какой неуклюжий...

— Оставь, Софи, — Елена отмахнулась от сестры, не сводя глаз с Матео. — Ну что ж, Матео-архитектор. Вы должны мне новое платье. Но поскольку сейчас воскресенье и магазины закрыты, я согласна на компенсацию в виде бутылки этого же вина. И истории о том, как вы планируете перестроить этот город.

Матео осторожно пожал её тёплую, узкую ладонь.

В этот момент он забыл о друзьях, о политике, о кричащем Чеко, о Роберто и о том, что он патологически застенчив. Внутри него вдруг появилась странная уверенность. Словно он всю жизнь строил фундамент именно для этого момента.

— Я знаю столик у окна, — сказал он неожиданно твёрдым голосом, указывая на столик номер четыре. — Там тише. Оттуда лучше видно закат. И он как раз освободился. А ещё там меньше шансов, что меня толкнут.

Элена улыбнулась, и Матео понял, что пропал.

— Ведите, мой неуклюжий архитектор. Пока не заняли наш столик номер четыре.

Они прошли сквозь шумный зал к столику у окна. Чеко присвистнул им вслед, Роберто покачал головой с усмешкой, а София осталась стоять посреди зала, теребя платок, с выражением тревоги на лице.

Пятно на платье Элены высыхало, превращаясь в причудливый узор цвета запёкшейся крови, но никому из них не было до этого дела.

В тот вечер они ещё не знали, что этот столик станет цен-

тром их вселенной на сорок лет. Они не знали, что скоро цвет бордо на одежде перестанет быть поводом для смеха.

Но, когда Матео смотрел, как она садится, откидывая голову назад и подставляя лицо последним лучам солнца, он уже знал одно: он построит для неё всё, что она захочет. Даже если для этого придётся перевернуть мир.

Глава 5. Вспышка на ветру

Росарио, сентябрь 1974 года

Сентябрь в Росарио — это ветреный месяц. Ветер *Sudestada* налетает с реки, взбивая мутные воды Параны в белую пену, срывая шляпы и заставляя пальмы на бульваре Ороньо кланяться до земли. Но в тот день, за два дня до выхода воскресного номера «*La Capital*», ветер был тёплым и игривым. Воздух был пропитан речной водой, дизельным дымом от проходящих барж и сладким ароматом жареного арахиса, который продавали в бумажных кулках на углу улицы Кордоба.

Матео нервничал. Он стоял у парапета набережной, одетый в свой лучший костюм — песочного цвета, с широкими лацканами по последней моде. Он в сотый раз поправлял узел широкого узорчатого галстука и проверял, ровно ли лежат волосы. Для него это было серьёзно. Интервью главной газете провинции. Статья о молодых архитекторах. Шанс заявить о себе.

— Расслабься, старик, — Чеко, стоявший рядом, лениво опирался локтем о бетонное ограждение.

Чеко, в отличие от Матео, на дресс-код плевал. На нём были широченные брюки-клёш, которые полоскались на ветру, как паруса, и цветастая рубашка с расстёгнутым воротом. Он шурился от яркого солнца, которое заливало набережную.

ную жидким золотом, и выглядел так, словно только что выиграл в лотерею.

— Это «La Capital», Чеко, — ответил Матео. — О нас будет читать весь город. Заказчики, мэрия... Мы должны выглядеть как профессионалы, а не как хиппи, сбежавшие с Вудстока.

— Мы должны выглядеть как будущее, — отмахнулся Чеко, доставая сигарету. — А будущее — это свобода, брат. Скучные дядьки в серых костюмах уже построили этот город, и посмотри на него — он скучный. Мы добавим сюда жизни.

— Чеко прав, но Матео прав тоже, — раздался спокойный, уверенный голос справа.

Роберто Салинас стоял чуть поодаль, небрежно прислонившись бедром к капоту своего новенького белого «Peugeot 504». Он был воплощением элегантности, к которой Матео только стремился. Идеально подогнанный тёмно-синий пиджак, белоснежная рубашка и дорогие солнцезащитные очки-авиаторы, скрывающие взгляд. Роберто не нервничал. Он знал, что выглядит превосходно. Он достал носовой платок и стёр невидимую пылинку с крыла автомобиля.

— Имидж — это валюта, Чеко, — сказал Роберто, улыбаясь уголком рта. — Сначала ты продаёшь себя, потом ты продаёшь свои чертежи. Главное — уверенность. Посмотри на мою машину. Она говорит за меня больше, чем любой диплом.

Матео вздохнул. Он всегда немного завидовал Роберто — его умению носить дорогие вещи так, будто он в них родился, его спокойствию, его деньгам.

В этот момент к ним подошла Елена. В тот день она была ослепительна. Лёгкое светлое платье в мелкий горошек облегало её фигуру, юбка развевалась вокруг ног при каждом порыве ветра. Она держала в руках две порции мороженого в вафельных рожках — ванильное для себя и лимонное для Матео.

— Фотограф идёт, — сказала она, кивнув в сторону парка. — Такой смешной, похож на моржа. И с ним журналист, у которого блокнот толще, чем Библия.

Фотограф, грузный мужчина по прозвищу «Эль Турко», действительно напоминал моржа. Он тяжело дышал, таща на шее два огромных фотоаппарата, а его жилетка с множеством карманов была набита плёнками и объективами. Он вытирал потный лоб клетчатым платком и выглядел недовольным всем миром.

— Так, молодёжь, — прохрипел он вместо приветствия. — Свет уходит. У меня ещё три съёмки: открытие школы и какая-то выставка кошек. Давайте быстро. Где встанем?

— Здесь, — Матео указал на парапет. — Чтобы за спиной была река и порт. Это символизирует связь города с водой...

— Символизирует, — передразнил Турко, подкручивая колёсико настройки на своей камере. — Главное, чтобы солнце в объектив не било. Вставайте.

Они выстроились. Матео принял позу, которую репетировал перед зеркалом: серьёзный взгляд вдаль, рука на перилах, подбородок чуть приподнят. Поза великого зодчего, думающего о судьбах урбанистики. Чеко встал слева от него, но сразу испортил всю торжественность, сунув руки в карманы и ссутулившись с весёлой ухмылкой. Роберто остался справа, у машины, скрестив руки на груди.

— Девушка, а вы чего стоите в стороне? — гаркнул фотограф, глядя на Элену, которая доедала мороженое в тени платана.

— Я? Я просто невеста, — улыбнулась она. — Группа поддержки.

— В кадр! — скомандовал Турко. — Мне нужно пятно света. А то эти трое в своих пиджаках выглядят как мафиози на сходке. Вставай посередине. Живее!

Элена подошла, смеясь, вытирая липкие от мороженого пальцы салфеткой.

— Матео, он меня заставил, — шепнула она, вставая между мужчинами.

— Это даже лучше, — вдруг сказал журналист, тощий парень в очках, который до этого молча что-то строчил в блокноте. — «Архитекторы и их муза». Романтично. Читателям понравится.

Матео, забыв про свою «позу мыслителя», обнял Элену за талию. Он притянул её к себе, чувствуя тепло её тела сквозь тонкую ткань платья.

— Так, внимание! — крикнул фотограф, припадая к фотоаппарату. — Не моргать! Смотрим в объектив, думаем о гонорах! Эй, ты, в очках, сними их, глаз не видно!

— Очки остаются, — спокойно ответил Роберто, даже не шелохнувшись. — Это часть стиля.

Фотограф только хмыкнул, но спорить не стал.

И тут налетел ветер. Сильный, дерзкий порыв с реки. Он ударил им в лица, разметал тщательно уложенные волосы Матео, превратив его причёску в хаос. Подхватил длинные кудри Элены и бросил их ей на лицо. Юбка её платья взметнулась, обнажив колени.

Матео попытался пригладить волосы, но Елена расхохоталась. Она смеялась громко, запрокинув голову, пытаясь убрать волосы с лица, и этот смех был таким заразительным, что Матео перестал хмуриться. Он посмотрел на неё с такой нежностью, что журналист перестал писать.

Чеко, увидев это, не остался в стороне. Он выбросил руку вверх, показывая пальцами знак «V» — победа, мир, свобода — и широко, во все тридцать два зуба, улыбнулся ветру и солнцу.

— ¡Dale, Turco! Давай, Турок! — крикнул он. — Снимай, пока нас не сдуло в Уругвай!

Только Роберто не изменил позы. Он стоял, опираясь на капот, и ветер лишь слегка шевелил полы его пиджака. Сквозь тёмные стёкла очков он смотрел на друзей с лёгкой, снисходительной улыбкой взрослого, наблюдающего за иг-

рой детей. Он был единственным, кто крепко стоял на ногах, пока остальных уносило вихрем эмоций.

— Стоять! — рявкнул фотограф. — Вот так! Ничего не трогать! Это оно!

Щёлк.

В эту долю секунды камера навсегда запечатлела свет на полоске целлулоида. Она запечатлела их живыми. Она запечатлела Матео, который забыл, что нужно быть серьёзным, и просто любил. Она запечатлела Элену, сияющую, с расчёпанными волосами, похожую на саму свободу. Она запечатлела Чеко, беспечного бунтаря, который верил, что мир — это большая шутка. И она запечатлела Роберто, холодно-го и безупречного, который уже тогда смотрел на мир через фильтр дорогих очков, зная, что выживает тот, кто контролирует ситуацию.

— Есть, — буркнул фотограф, закрывая объектив. — Хороший кадр. Живой. В воскресенье ищите себя на третьей полосе.

Напряжение спало. Матео выдохнул.

— Ну как? — спросил он тревожно. — Я не моргнул? Галстук не перекосило?

— Ты был прекрасен, брат, — Чеко хлопнул его по спине. — Ты выглядел как человек, который только что придумал пирамиду Хеопса. Идёмте жрать. Я голоден как собака.

— Куда? — спросила Элена, поправляя причёску.

— В «Sogocabana», конечно, — ответил Чеко. — Хочу

carlitos с двойным сыром и ведро кофе.

— Я пас, — Роберто достал ключи от машины, подобрал брелок в воздухе. — У меня встреча с подрядчиком в «Jockey Club». Там подают отличные стейки, а не сэндвичи. Могу подбросить вас до центра, если пообещаете не испачкать обивку мороженым.

— Мы прогуляемся, Роберто, — улыбнулась Елена. — Погода слишком хорошая, чтобы сидеть в машине.

— Как знаете, — Роберто пожал плечами, сел за руль, и мотор «Пежо» тихо заурчал. — До завтра.

Он уехал, оставив за собой лёгкий запах дорогого бензина. А трое оставшихся пошли по набережной прочь от реки, в сторону центра. Три молодые фигуры, залитые солнцем. Ветер дул им в спину, подгоняя вперёд. Вокруг гудел Росарио — живой, громкий, пахнувший жизнью. Мимо проезжали «Фиаты», продавцы газет выкрикивали заголовки о футболе, а не о политике.

Они шли, перебрасываясь шутками, толкая друг друга плечами, занимая собой весь тротуар, уверенные, что эта улица, этот город и этот ветер принадлежат им.

Глава 6. Салфетка

Росарио, январь 2025 года

Неделя проползла, оставляя за собой череду одинаковых серых дней. Лукас выполнял свою работу механически, как заведённый механизм. Его тело знало хореографию бара наизусть: сполоснуть шейкер, протереть стойку, улыбнуться клиенту той пластиковой вымученной улыбкой, от которой к вечеру сводило скулы. Но мысли его были далеко. Они были в терминале аэропорта Барахас, в прохладном, кондиционированном воздухе другой жизни.

В кармане фартука вибрировал телефон. Лукас знал, что там: очередное вежливое, стандартное письмо из редакции в Мадриде: «Уважаемый сеньор, ваше портфолио показалось нам интересным, но в данный момент мы не ищем новых авторов...».

Обычно после такого его накрывало глухое отчаяние. Но сегодня было иначе.

Лукас коснулся левого запястья. Пальцы скользнули по прохладной стали «Rolex Submariner». Часы сидели плотно, их тяжесть была ощутимой и приятной — как рукопожатие отца. Это прикосновение успокаивало, возвращало почву под ногами. «У тебя есть тыл, — подумал он. — Ты Кастильо». Он вспомнил деда Уго — человека, который, по рассказам отца, никогда не сдавался и держал удар. Эта мысль

придавала сил.

— Лукас, четвёртый столик, — голос сеньора Альвареса вырвал его из оцепенения.

Старик Матео ушёл полчаса назад. Он оставил после себя пустоту, запах нафталина и недопитую бутылку Espumante, которая теперь тёплой, выдохшейся жижей стояла на подносе.

Лукас подошёл к столику у окна. Солнце отбрасывало на скатерть длинные, кривые тени. Обычно он сметал мусор в ведро не глядя, брезгливо морщась, но сегодня что-то заставило его замереть.

На столе, придавленная пустой вазочкой из-под конфет — шоколад исчез, видимо, старик забрал его с собой в карманах пальто — лежала бумажная салфетка. Лукас потянулся за ней, уже занеся руку, чтобы скомкать. Но свет упал на рисунок. Лукас замер — сначала он подумал, что ему показалось. Он взял салфетку в руки, поднёс её ближе к глазам, щурясь в полумраке.

Бумага была шершавой, дешёвой, но то, что было на ней изображено, стоило дороже всего этого ресторана. Это был идеальный, академический архитектурный эскиз — восьмиугольная беседка, лёгкая и воздушная. Детализация захватывала дух: резные перила, сложная геометрия крыши, крошечные пометки бисерным почерком: «Кедр. Угол 45 градусов. Обработать олифой дважды». А в нижнем углу, в строгой рамочке, стояла надпись: «Для наших утренних чаепи-

тий... Проект утверждён. Октябрь 1978».

Сорок семь лет назад.

Старик сидел здесь полчаса назад. Он пил дешёвое игристое, смотрел на пустой стул и с абсолютной серьёзностью проектировал беседку для жены, которой нет, в году, который давно прошёл. Он не вспоминал. Он работал. Он продолжал строить их общее будущее, застряв во временной петле.

— Хлам, — выдохнул Лукас, пытаясь стряхнуть наваждение.

Он скомкал салфетку, бумага жалобно хрустнула, и Лукас разжал пальцы над мусорным ведром, собираясь отправить туда этот бумажный призрак.

— Не стоит.

Широкая, мозолистая ладонь перехватила салфетку в полёте. Сеньор Альварес возник рядом неслышно, как большая кошка. Он аккуратно расправил бумажный комок на гладкой поверхности полированной стойки, разглаживая морщины на чертеже большим пальцем.

— Зачем вам это, сеньор? — лениво спросил Лукас, опираясь локтем о стойку и чувствуя усталость во всём теле. — Старик живёт в своих галлюцинациях. Строит замки из воздуха.

— Из воздуха? — Альварес поднял глаза. — Ты смотришь на линии, Лукас. А я вижу судьбу.

Хозяин ресторана достал очки из кармана фартука, водру-

зил их на нос и склонился над рисунком.

— Ты говоришь, что хочешь уехать, потому что здесь, в Росарио, нет настоящих историй. Что всё здесь — пыль, скука и провинциальное болото.

— А разве я не прав? — Лукас обвёл взглядом пустой зал, где в углах скапливались тени. — О чём здесь писать? О Хавьере и его новой машине? О ценах на говядину?

Альварес покачал головой. Он постучал ногтем по дате на салфетке: 1978.

— Ты журналист, Лукас. По крайней мере, так написано в твоём дипломе, которым ты так гордишься. Но у тебя нет главного — терпения смотреть глубже. Ты видишь старика в нелепом пальто, от которого пахнет нафталином. А я вижу человека, который когда-то спроектировал половину набережной, по которой ты бегал в детстве. А потом он замуровал себя заживо.

Лукас фыркнул, но в его голосе проскользнуло сомнение. Слово «замуровал» резануло слух.

— Замуровал?

Вместо ответа Альварес размашисто написал адрес на обратной стороне чека: «Район Arroyito. Улица Juan B. Justo».

— Поезжай. Ты собирался лежать под вентилятором и жалеть себя, но лучше просто посмотри на этот дом. — Он подвинул чек к Лукасу. — Если после этого ты скажешь, что это «скука», я сам куплю тебе билет до Мадрида. Но если у тебя есть хоть капля чутья, ты поймёшь, что твоя главная

статья лежит не в Европе, а на окраине твоего родного города.

Он развернулся и ушёл на кухню, оставив парня наедине с тишиной, уязвлённым самолюбием и смятой салфеткой.

Лукас взял чек. «Arroyito», старый рабочий район у реки. Он сунул чек и салфетку в карман брюк. На секунду ему показалось, что салфетка жжёт бедро. Странное, иррациональное чувство. Словно он положил в карман не бумажку, а горячий уголь.

Он вышел на задний двор ресторана, к мусорным бакам. Воздух здесь был тяжёлым, предгрозовым. Небо затянуло свинцовыми тучами, скрывшими звёзды. Где-то далеко, над рекой, беззвучно сверкнула молния.

Лукас закурил.

«Проект утверждён. Октябрь 1978».

Он вспомнил свои планы на Мадрид. Квартира? Сниму что-нибудь. Работа? Найду на месте. Друзья? Заведу новых. Вся его жизнь была наброском, черновиком, написанным невидимыми чернилами. Он был готов всё стереть и начать заново. А этот старик полвека строил воздушные замки для призрака, с точностью до миллиметра, рассчитывая углы наклона крыши. Первая тяжёлая капля дождя упала на руку, Лукас вздрогнул, выбросил недокуренную сигарету и потрогал карман. Салфетка была там.

— Ладно, — прошептал он в темноту. — Посмотрим на твой замок, архитектор.

Глава 7. Чертежи на песке

Росарио, февраль 1975 года

Лето в тот год было таким щедрым на солнце, что казалось, будто сама природа пытается компенсировать сгущающийся мрак в газетах. Февральское солнце плавilo асфальт, и он становился таким мягким, что каблуки девушек оставляли на нём глубокие следы. Воздух, пропитанный влажностью с реки, был настолько густым и плотным, что становилось тяжело дышать. В такие дни город замирал: к полудню жалюзи опускались, улицы вымирали, и единственным спасением становилась Парана.

Компания расположилась на берегу реки, в «дикой» части набережной, где ивы склоняли свои плакучие ветви к самой воде, пряча влюблённых и бунтарей от посторонних глаз. Это было их место — маленький зелёный карман вдали от городского шума, но достаточно близко, чтобы слышать низкие, протяжные гудки барж, идущих вниз по течению к Буэнос-Айресу. Здесь от реки всегда тянуло тиной и йодом, а в воздухе стоял сладкий, маслянистый дым asado.

Матео лежал на траве, закинув руки за голову. Сквозь листву ивы пробивались солнечные зайчики, рисуя на его лице подвижные узоры. Он закрыл глаза, но не от солнца, а от переполнявшего его покоя. Рядом с ним, подогнув под себя ноги, сидела Елена. На ней было лёгкое светлое платье,

и она пахла речной водой и тем особенным, тёплым запахом, который бывает только у кожи, нагретой солнцем.

Она читала вслух Борхеса: «...Любовь — это чувствовать, что тебя коснулась судьба ...». Матео не вслушивался в слова. Он слушал музыку её голоса — чуть хрипловатого, низкого, обволакивающего, как мёд. Ему казалось, что до встречи с ней он жил в чёрно-белом немым кино, и только сейчас кто-то включил звук и цвет.

— Ты засыпаешь, arquitecto, — Елена легонько коснулась его щеки травинкой, прерывая чтение.

— Я не сплю, — улыбнулся Матео, не открывая глаз. — Я запоминаю.

— Что именно?

— Этот момент. Запах реки. Твой голос. Вонь от сигарет Чеко.

— Эй! — раздался возмущённый крик со стороны костра. — Это не вонь, это аромат свободы, друг мой! И вообще, кто, если не я, накормит вас лучшим асадо в провинции Санта-Фе?

Чеко, друг детства Матео, был его полной противоположностью: невысокий, коренастый, с вечно всклокоченной чёрной шевелюрой и глазами, в которых горел неугасимый огонь беспокойства. Он не мог сидеть на месте. Он танцевал вокруг самодельного мангала, яростно ворочая куски мяса на решётке, и одновременно спорил с хрипящим радиоприёмником.

— Слышали? — кричал он, размахивая щипцами как дирижёрской палочкой. — Они снова подняли цены на бензин! Но ничего, хорошее вино исправляет любые ошибки правительства.

— Оставь их в покое, Чеко, — раздался спокойный, но твёрдый голос.

София, старшая сестра Элены, сидела на складном стульчике чуть поодаль, в самой густой тени. Она держала на коленях деревянную доску и нарезала помидоры с такой решительностью, словно это были головы политических врагов. София была старше Элены всего на пять лет, но выглядела гораздо взрослее. Между её бровей залегла вечная морщинка тревоги, будто она всё время ждала беды. Она была якорем, который удерживал их маленькую лодку на земле, пока Элена и Матео витали в облаках.

— Они влюблены, Софи! — Чеко подмигнул ей, откупоривая бутылку красного вина. Пробка вылетела с весёлым хлопком. — Влюблённым не нужно мясо, они питаются святым духом и поцелуями. Хотя, глядя на Матео, я бы сказал, что ему не помешает стейк с кровью. Ты слишком тощий, брат. Тебя ветром сдует с твоих строительных лесов.

Матео наконец сел и потянулся, хрустнув суставами.

— Зато я умею слушать, в отличие от некоторых ораторов.

— Слушать — это опасно, — Чеко вдруг стал серьёзным, его лицо на секунду потемнело. — Сейчас такое время, Матео, когда нужно говорить. Громко. Иначе нас всех заткнут.

Элена вдруг закашлялась. Сначала тихо, потом сильнее. Звук был сухим, каркающим, страшным на фоне идиллического пейзажа. Она прижала белый платок к губам, её плечи напряглись и судорожно вздрагивали.

Смех мгновенно исчез. Мир замер. София бросила нож, она оказалась рядом с сестрой быстрее, чем кто-либо успел моргнуть.

— Воды, — скомандовала она, и в её голосе зазвенела сталь генерала на поле боя. — Матео, дай ей воды. Быстро! Дыши, Элена. Медленно. Вдох... выдох....

Матео растерянно протянул фляжку, чувствуя, как ледяной страх сжимает его собственные лёгкие. Он видел, как стремительно побледнела Элена, как вокруг её губ легла синеватая тень, делая лицо похожим на маску.

Это был «секрет», о котором София предупредила его шёпотом ещё месяц назад, схватив за локоть в коридоре: «У неё слабое сердце, Матео. Врождённый порок. Любое волнение, любая сильная нагрузка... Ты должен беречь её как хрустальную вазу. Если ты разобьёшь её — я тебя убью».

Элена сделала глоток. Ещё один. Её тонкие пальцы, сжимавшие фляжку, побелели. Краска медленно, неохотно начала возвращаться к щекам. Она опустила платок и виновато улыбнулась, глядя на испуганные лица друзей.

— Ну вот, испортила вечеринку, — прошептала она, и голос её дрожал. — Софи, перестань смотреть на меня как на умирающую. Просто поперхнулась дымом.

— Ты не поперхнулась, — жёстко сказала София. Она поправила плед на плечах сестры, хотя жара стояла невыносимая. — Тебе нельзя сидеть на солнцепёке. И эти твои танцы вчера... Я говорила тебе.

— Я в порядке, — Елена мягко перехватила руку сестры, останавливая поток упрёков. Но посмотрела она на Матео.

В её огромных тёмных глазах была немая просьба: не пугайся. Не уходи. Не делай из меня инвалида. Люби меня живую. Матео понял. Он выдохнул, прогоняя страх, и придвинулся ближе. Обнял её за плечи, чувствуя сквозь тонкую ткань платья, какая она хрупкая.

— Мясо горит, Чеко, — спокойно сказал он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и буднично. — Если ты испортишь асадо, я расскажу всем, что ты тайком слушаешь американскую попсу вместо патриотических маршей.

Напряжение спало. Чеко с нарочитым, театральным ужасом бросился к решётке, спасая ужин. София ещё минуту сверлила Элену тяжёлым взглядом, проверяя, действительно ли опасность миновала, но потом вернулась к салату. Хотя руки её всё ещё мелко подрагивали, когда она брала помидоры.

Вечер опустился на реку синим туманом. Воздух наполнился запахом дыма, жареного мяса и ночной свежести. Они ели сочное асадо, пачкая пальцы, пили терпкое вино из пластиковых стаканчиков и говорили обо всём на свете, кроме политики и болезней. Чеко рассказывал неприличные анек-

доты про министров, София жаловалась на цены на рынке, а Матео держал руку Элены в своей и боялся отпустить даже на секунду.

Когда совсем стемнело, и на другом берегу, в провинции Энтре-Риос, зажглись редкие огни, Элена положила голову ему на плечо.

— О чём ты думаешь? — спросила она тихо, глядя на тёмную воду, несущуюся мимо.

— Я думаю о доме, — сказал Матео. — Не о квартире, которую я снимаю. О настоящем доме. Нашем доме.

Элена подняла голову, заглядывая ему в лицо.

— Какой он?

— С большими окнами, — Матео говорил и сам видел этот дом. — Чтобы ты могла видеть сад, даже не вставая с кресла. Там будет тихо. И там будет беседка.

— Беседка? — Элена улыбнулась уголками губ.

— Да. Увитая виноградом. Белая. Чтобы там была тень, и мы могли пить чай по утрам, и София не ворчала, что тебе вредно солнце. Я посажу там жасмин, чтобы пахло так же, как сейчас.

Элена засмеялась, тихо и счастливо.

— Это хорошая мечта, Матео.

— Это не мечта, — он сжал её тонкие пальцы, чувствуя каждую косточку. — Это план. Я уже внёс залог. Я нашёл старый дом в Arroyito. Настоящую развалюху, Эль. Окна заколочены, штукатурка осыпается, внутри, наверное, живут

привидения. Но стены... стены крепкие, довоенные. Кирпич звенит, как колокол. Мы вычистим оттуда тлен, покрасим стены в белый, и это будет наша крепость. Где ничего плохого с нами не случится.

Со стороны костра донёсся голос Чеко. Он уже изрядно выпил и теперь, размахивая полупустым стаканом, провозгласил тост, обращаясь к звёздам:

— За будущее! Пусть оно будет таким, каким мы его построим своими руками, а не таким, какое нам навязывают эти ублюдки в погонах!

— За будущее, — эхом отозвалась Елена.

Матео чокнулся с ней пластиковым стаканчиком.

— За дом, — прошептал он.

В тот момент, под стрекот цикад и пьянящий запах жасмина, им казалось, что у них в запасе целая вечность. Только София не пила. Она сидела в темноте, глядя на огонь, и в её глазах отражались не звёзды, а угли костра, похожие на догорающие руины.

Глава 8. Танго цвета хакаранды

Росарио, октябрь 1975 года

Октябрь 1975-го сошёл с ума. Он обрушился на Росарио фиолетовым штормом цветения хакаранды, затопив улицы лепестками, которые хрустели под ногами и пахли сладкой, пьянящей истомой. В воздухе смешались запахи влажной реки, горячего асфальта и дыма от сотен *parrillas*, жаровен, разбросанных по всему городу.

Свадьбу праздновали в саду клуба «Регатас», на самом берегу Параны. Это было то настоящее аргентинское застолье, которое начинается в полдень и грозит перетечь в завтрак следующего дня. Длинные столы, сдвинутые в один бесконечный ряд под раскидистыми деревьями, ломились от изобилия. Огромные блюда с *empanadas* — золотистыми, сочными пирожками, из которых при укусе брызгал горячий бульон; горы *chorizo* и кровяной колбасы *morcilla*; и, конечно, король стола — *asado a la estaca*. Целые туши ягнят, распятые на крестах вокруг открытого огня, томились там часами, пока мясо не начинало само отставать от костей, пропитываясь дымком кебрачо.

Матео сидел во главе стола, ослабив узел галстука, и чувствовал себя пьяным, хотя едва пригубил вино. Он был пьян Эленой. Она сидела рядом, ослепительная в своей белизне на фоне буйной зелени сада. В её тёмных кудрях запутались фи-

олетовые лепестки, упавшие с деревьев, и это казалось лучшим украшением, чем любые бриллианты. Она смеялась, запрокинув голову, и её смех перекрывал звон посуды, крики детей и гулкий стук ножей о тарелки.

— Ешь, тощий, — Роберто, сидевший справа, подложил Матео огромный кусок сочной говядины. — Тебе нужны силы. Женатый человек должен быть крепким, как фундамент.

Жена Роберто, Лусия, красивая той особенной, светящейся красотой женщины на шестом месяце беременности, ласково шлёпнула мужа по руке:

— Оставь его в покое, Роберто. Видишь, он питается любовью.

— Любовь — это прекрасно, *mi amor*, — подмигнул Роберто, наливая себе рубиновый мальбек, который медленно стекал по стенкам бокала. — Но хороший стейк делает любовь гораздо устойчивее.

Где-то на другом конце стола гремел Чеко. Он был стихией. Его пиджак давно висел на спинке стула, рукава рубашки были закатаны до локтей, открывая жилистые руки, а верхние пуговицы расстёгнуты. Он был взъерошен, громок и казался воплощением хаоса. Он перескакивал от одной группы гостей к другой, подливая вино, целуя тётушек, споря с дядей Элены о футболе — «Ньюэллс» или «Сентраль»? — и размахивая куском хлеба.

— Внимание! Atención! — заорал Чеко. Он схватил бокал и вскочил на стул, качнулся, но устоял, сияя улыбкой.

— Я хочу выпить за архитектуру! Потому что только Великий Архитектор там, наверху, — он ткнул пальцем в синее небо, — мог спроектировать женщину с такими идеальными пропорциями и несущими конструкциями, как наша Елена! И только такой везучий сукин сын, как Матео, мог выиграть тендер на этот проект!

Гости взорвались хохотом, свистом и аплодисментами. Кто-то застучал вилками по бокалам. Елена закрыла лицо руками, краснея, но плечи её тряслись от смеха.

— Слезь немедленно, ты сломаешь шею! — крикнула София.

Она сидела рядом с сестрой, прямая, строгая, в тёмно-синем платье, застёгнутом на все пуговицы. Она была оплотом порядка в этом море веселья. Её волосы были убраны в высокую причёску, из которой не выбивался ни один волосок. София следила за всем: чтобы у гостей был лёд, чтобы детям не наливали вино, чтобы солнце не напекло голову Элене.

Чеко прыгнул со стула, но не сел. Он подмигнул музыкантам на маленькой деревянной эстраде. Старый бандонеонист, похожий на мудрую черепаху, кивнул и растянул меха своего инструмента.

Воздух взорвался звуком. Это было танго. «La Yumba» Освальдо Пульезе. Резкое, мощное, бьющее прямо в солнечное сплетение. Бам-бам-бам. Ритм, от которого сердце начинает стучать в горле.

Чеко направился к Софии. И вдруг произошло превраще-

ние.

За шаг до неё, взъерошенный хулиган с расстёгнутым воротом исчез. Чеко выпрямился, его движения стали плавными, кошачьими. Он не схватил её за руку, как ожидали многие. Он остановился напротив, поймал её взгляд и сделал *cabeseo* — едва заметный кивок, приглашение, в котором было больше уважения, чем в сотне поклонов.

— Позвольте, *mi General*? — тихо произнёс он. Его голос стал низким, бархатным.

— Нет, Чеко, я не... — начала было София, вжимаясь в стул.

Но он уже протянул руку — ладонью вверх, ожидая. В этом жесте была галантность старой школы, которая никак не вязалась с его растрёпанным видом. Он смотрел на неё серьёзно, без тени насмешки.

— Танго не спрашивает, хочешь ли ты, Софи. Оно случается. Идём.

София посмотрела на его руку, потом на его лицо. И медленно, словно под гипнозом, вложила свои пальцы в его ладонь.

Чеко вывел её на дощатый настил. Он обнял её — и это был тот самый *abrazo*, объятие, в котором нет зазора для воздуха, но есть бесконечное уважение к партнёрше. Его правая рука легла на её спину уверенно и бережно.

Они начали двигаться.

Чеко вёл виртуозно. Его ноги чертили по полу сложные

узоры, он делал резкие паузы, замирая на долю секунды, и София замирала вместе с ним. Она вдруг почувствовала, как её тело вспоминает язык, который она, казалось, давно забыла. Её строгость растворилась. Шпильки, державшие причёску, не выдержали резкого поворота головы, и тяжёлая волна тёмных волос рассыпалась по плечам. София не стала их поправлять. Она откинула голову назад, и её глаза, обычно тревожные, вспыхнули тёмным огнём. Она отвечала на каждое движение Чеко, её нога обвивала его ногу в дерзком *gancho*, подол платья взлетал, открывая колени.

Это был диалог. Спор. Страсть. Чеко, с его расстёгнутой рубашкой и горящими глазами, был огнём, а София, с распущенными волосами и пылающими щеками, стала ветром, раздувающим этот огонь.

— Боже мой... — прошептала Елена, сжимая руку мужа.
— Матео, посмотри на неё! Софи... она живая!

Матео смотрел заворожённо.

— Она великолепна, — сказал он. — Но мы не можем позволить им забрать всё внимание.

Он встал, оправил пиджак и протянул руку Элене:

— Сеньора Видаль, окажите мне честь?

Элена вложила свою руку в его. Они вышли на танцпол.

Их танго было другим. Если у Чеко и Софии это была битва и искра, то у Матео и Элены это было слияние. Матео прижал её к себе так тесно, что они двигались как одно целое, с одним дыханием на двоих. Они танцевали щека к щеке,

Матео чувствовал запах её духов и разгорячённой кожи. Он вёл её уверенно, широко шагая, заставляя её лететь над полом. Елена закрыла глаза, полностью доверяясь ему. Её белое платье вращалось колоколом на поворотах, она смеялась от чистого, физического счастья движения.

Вокруг них кружились пары, летели лепестки хакаранды, бандонеон плакал о любви, которая сильнее смерти, скрипка пела о вечности. Роберто свистел и хлопал в ладоши. Официанты с подносами застыли, любуясь зрелищем.

В этот момент Росарио принадлежал им. Жара, музыка, запах жасмина и мяса, вкус вина на губах — всё это было обещанием бесконечного счастья.

Праздник закончился только под утро. Гости расходились, унося с собой куски торта и остатки вина. Музыканты паковали инструменты. А Матео, Елена, Чеко и София не хотели отпускать этот день. Они вышли из клуба и спустились к самой реке.

Над Параной занимался рассвет. Небо на востоке, над плоской линией горизонта провинции Энтре-Риос, окрасилось в нежнейшие цвета: персиковый, розовый и бледно-голубой. Вода в реке была спокойной, маслянистой, цвета стали и золота.

Матео снял пиджак и накинул его на плечи Элены. Она сняла туфли и шла босиком по ещё прохладной траве набережной, держа босоножки в одной руке, а другой крепко сжимая ладонь мужа.

— Я никогда так не танцевала, — выдохнула София. Её волосы всё ещё были распущены, и она выглядела моложе лет на десять. Она шла рядом с Чеко, который, наконец, застегнул рубашку, но так и не нашёл свой галстук.

— Ты танцевала как богиня, Софи, — сказал Чеко, и в его голосе не было привычной шутливости. Он достал из кармана мятую пачку сигарет, закурил, и сизый дымок потянулся вверх, в чистое утреннее небо. — Тебе надо чаще распускать волосы. Тебе идёт свобода.

Они остановились у парапета, глядя, как огромное, красное солнце начинает медленно выплывать из реки. Прохладный ветерок с воды шевелил подол платья Элены.

Она глубоко вдохнула утренний воздух.

— Запомните этот запах, — сказала она тихо, закрыв глаза. — Река, дым и хакаранда. Так пахнет счастье.

Матео обнял её сзади, положив подбородок ей на макушку. Он чувствовал биение её сердца — ровное и живое.

— Мы купим тот участок в Арройито, — сказал он вдруг твёрдо. — Я решил. Мы построим там дом. С огромными окнами на восток, чтобы каждое утро видеть вот такой рассвет.

— И посадим лимонное дерево, — подхватила Елена.

— Два лимонных дерева, — вставил Чеко, выпуская кольцо дыма. — Чтобы мне было чем закусывать текилу, когда я буду приходить к вам в гости.

— Ты будешь приходить только по праздникам, — фырк-

нула София, но в её голосе была улыбка.

— Я буду приходить каждый день, — пообещал Чеко, глядя на реку, прищурившись от солнца. — Мы будем самыми старыми и надоедливymi друзьями в Росарио. Мы будем сидеть на веранде, пить мате и спорить о политике, пока у нас не выпадут зубы.

Матео рассмеялся. Смех был лёгким, звенящим в утренней тишине. Он смотрел на своих друзей, на свою жену, на встающее солнце, и чувствовал абсолютную, несокрушимую уверенность. Мир лежал у их ног. Они были молоды, сильны и полны любви. Ничто не могло их остановить. Ничто не могло разрушить этой дружбы.

— Давайте просто идти, — сказала Елена, открывая глаза. В них отражалось солнце. — Давайте идти вдоль реки, пока не устанем.

— Я не устану никогда, — ответил Матео.

И они пошли по набережной, четыре силуэта на фоне огромного, сияющего неба. Матео и Елена, держащиеся за руки. Чеко, что-то рассказывающий и жестикулирующий сигаретой. И София, идущая лёгкой, танцующей походкой, с распущенными волосами, в которых запутался один-единственный фиолетовый лепесток.

Город просыпался. Где-то вдалеке зазвонили колокола к утренней мессе. Начинался новый день, и он обещал быть бесконечным.

Глава 9. Дом-склеп

Росарио, январь 2025 года

Автобус тащился через город с натужным воем старого мотора. Лукас сидел у открытого окна, подставляя лицо ветру, который не охлаждал, а лишь обжигал, как фен в парикмахерской. Пейзаж за пыльным стеклом менялся, словно кто-то переключал каналы телевизора: высокие, амбициозные здания центра с их зеркальными фасадами уступали место приземистым складам, автомастерским с грудями шин у входа, а затем — бесконечным рядам одноэтажных домиков с плоскими крышами.

Это был другой Росарио. Не тот, где пьют крафтовое пиво и носят мокасины на босу ногу. Это был город работаг, людей, у которых под ногтями всегда остаётся немного смазки или земли, а в глазах — усталая мудрость.

Район Арройито лежал у самой реки, в гигантской тени стадиона «Росарио Централь». El Gigante, бетонная чаша, расписанная синим и жёлтым, нависала над кварталом как языческий храм, которому здесь поклонялись истовее, чем в церкви.

Лукас вышел на остановке и сразу почувствовал разницу. Если в центре жара была резкой, городской, отражённой от бетона и стекла, то здесь она была тяжёлой, сонной и влажной. К запахам речной тины и раскалённого асфальта здесь

примешивался сладкий, густой аромат *tortas fritas* — жареного теста, которым торговали на углу даже в такое пекло.

Было два часа дня, священное время сиесты. Улицы вымерли. *Persianas* — тяжёлые деревянные жалюзи на окнах — были опущены везде, наглухо закрывая комнаты от беспощадного белого солнца. Дома спали, редкие облезлые собаки лениво лежали в тени деревьев, даже не поднимая голов на шаги чужака. Казалось, Лукас идёт по декорациям покинутого фильма. Единственным звуком был стук его собственных кроссовок по потрескавшейся плитке тротуара да оглушительный звон цикад.

Лукас машинально поправил часы на левом запястье. Они напоминали: «Ты чужой здесь. Ты турист».

Он достал из кармана смятый листок с адресом: улица Хуан Б. Хусто. Он нашёл нужный номер без труда и замер. Все дома на этой улице были похожи, как братья: аккуратные, скромные, подкрашенные дешёвой, но яркой краской. На крылечках стояли пластиковые стулья, стены украшали горшки с геранью — это были дома людей, которые живут сейчас.

Все, кроме одного. Дом Матео выглядел как осколок кораблекрушения, выброшенный рекой на берег и забытый там на полвека. Штукатурка потемнела от влажности и местами обвалилась, обнажив старый красный кирпич. Окон не было видно — они прятались за деревянными жалюзи, краска на которых давно потрескалась и шелушилась, напоминая че-

щую мёртвой рептилии.

Но самым страшным был сад. Дикий виноград сожрал этот дом: зелёные, мясистые плети, толстые, как удавы, оплели фасад так плотно, что казалось, будто растение душит здание. Листва перекатывалась через ржавый кованый забор, свисала с крыши, закрывала калитку непроницаемой стеной.

— Склеп, — прошептал Лукас.

Он подошёл к невысокому забору. Калитка была заперта на висячий замок, покрытый таким слоем рыжей коррозии, что ключа он не видел, наверное, с того самого Чемпионата мира.

— Значит, он ходит через боковую аллею или заднюю дверь, — пробормотал Лукас.

Он встал на цыпочки, хватаясь руками за горячие прутья решётки, и попытался заглянуть во внутрь. Двор был запущен: трава по колено, старые вёдра, перевёрнутая тачка — хаос, тлен и запустение. Но в глубине сада, там, где тень от огромного дерева падала гуще всего, что-то белело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.